

ЕЛИЗАВЕТА БУТА

КРИМИНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ О САМОМ ОПАСНОМ СЕРИЙНОМ УБИЙЦЕ СССР

18+

ДУШЕГУБ

ИСТОРИЯ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ
МИХАСЕВИЧА

14 ЛЕТ ОН ДУШИЛ ДЕВУШЕК

НЕВОЗМОЖНО БЫЛО
СОСТАВИТЬ ПОРТРЕТ
ПРЕСТУПНИКА

14 ЧЕЛОВЕК НЕСПРАВЕДЛИВО
ОСУЖДЕНЫ ЗА ЕГО
ПРЕСТУПЛЕНИЯ

НИКТО НЕ МОГ СЕБЕ ПРЕДСТАВИТЬ,
ЧТО ЭТО ДЕЛО РУК ОДНОГО
ЧЕЛОВЕКА

36 ЧЕЛОВЕК
УБИТО

ТАКОВ ИТОГ ЕГО
ЖИЗНИ

Мир глазами убийцы

Елизавета Бута

**Душегуб. История серийного
убийцы Михасевича**

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бута Е. М.

Душегуб. История серийного убийцы Михасевича / Е. М. Бута — «Эксмо», 2022 — (Мир глазами убийцы)

ISBN 978-5-04-166569-2

История самого опасного серийного убийцы СССР, написанная криминальным психологом. Геннадий Михасевич считается одним из самых страшных серийных убийц в мире. Его жертв не объединял ни возраст, ни телосложение, ни одежда. Иногда он душил руками, но иногда использовал для этого веревку или платок. Никто не мог себе представить, что это дело рук одного человека, невозможно было составить профайл преступника. Итогом жизни убийцы стали 36 женщин и 14 невинно осужденных мужчин. Что сделало его таким? За что он так сильно ненавидел женщин? Как развивалось его расстройство и почему его сознание начало меркнуть? Почему следствие допустило так много ошибок? Читайте об этом в новом документальном триллере, основанном на материалах допросов и интервью с убийцей. «Я НЕНАВИЖУ ЖЕНЩИН. ТАК СЛУЧАЛОСЬ, ЧТО ВО ВСЕХ МОИХ БЕДАХ В ЖИЗНИ ВСЕГДА БЫЛИ ВИНОВАТЫ ОНИ. ПОДЛОСТЬ ИХ И ГЛУПОСТЬ ВСЕГДА СТАНОВИЛИСЬ ПРИЧИНОЙ МОИХ БЕД. ОНИ ВСЕГДА СМЕЯЛИСЬ НАДО МНОЙ В ШКОЛЕ, НЕ ЗАМЕЧАЛИ И ОБМАНЫВАЛИ. ОНИ ВСЕ ОБМАНЫВАЮТ. К МУЖЧИНАМ НИКАКОЙ НЕПРИЯЗНИ, НО ЖЕНЩИНЫ ВЫЗЫВАЮТ У МЕНЯ ЯРОСТЬ, НЕНАВИСТЬ, КОТОРАЯ НЕ ПРОХОДИТ». — Из показаний Г. Михасевича

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166569-2

© Бута Е. М., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	6
1	9
2	15
3	19
4	26
5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елизавета Бута

Душегуб. История серийного убийцы Михасевича

*Ищите место, где вас слушают и слышат, ищите место, где вы
нужны, иначе рискуете закончить жизнь в камере смертников¹*

Пролог

1985 г. Минск

– Поедешь работать в какое-нибудь гиблое место, пусть там тебя слушают, – прокурор резко захлопнул папку с очередной жалобой на следователя по особо важным делам Николая Игнатовича.

Такие жалобы прокурору приходилось читать каждый день, и фамилия Игнатовича в них звучала слишком часто. Когда-то подающий большие надежды следователь так и не нашел способа взаимодействовать с системой. Как так вышло, что ответственный, въедливый и принципиальный Игнатович превратился в источник вечной головной боли Прокуратуры БССР? Пожалуй, даже сам следователь не смог бы ответить на этот вопрос. То и дело кто-то сверху предлагал повысить его по службе, но Игнатович, кажется, специально делал все возможное, чтобы не получить новую должность. После того как он перешел на службу в Генеральную Прокуратуру, его регулярно посылали в различные командировки, из которых он приезжал, обычно нажив себе пару или тройку новых врагов.

– Потому что все должно быть по закону, – терпеливо и спокойно говорил он в ответ на любую претензию.

Начальство решило винить в плохом характере следователя сомнительное начало его карьеры на должности адвоката. Проработав несколько лет участковым и оперативником, он поступил на юрфак БГУ. Любопытно, кстати, что поступил он туда на общих основаниях, так как ему не удалось добиться от начальства направления, которое бы существенно могло облегчить процесс поступления.

После получения диплома, естественно с отличием, его отправили работать на несуществующую должность в несуществующее место. Три года по распределению он проработал адвокатом в поселке Бешенковичи. Все это время он помогал жителям деревни писать жалобы в облисполком на соседей, составлять заявления о разводе и, в редких случаях, консультировал несчастных матерей, когда их дети попадались на воровстве деталей с завода или яблок из совхоза. Как он ни старался, помочь таким матерям он не мог, и ему оставалось только растерянно наблюдать за тем, как плачут эти женщины, ерзая на неудобном казенном стуле в сельской юридической консультации. Николай не знал, как себя вести в таких случаях. Утешать он не умел, он умел помогать, составлять прошения о пересмотре дела, о помиловании, об отправке дела на доследование, но все это почти в ста процентах случаев не давало никакого эффекта. В лучшем случае удавалось скостить пару лет. А женщины продолжали приходить и плакать, потому что, несмотря на тяжелый взгляд из-под бровей, каменное выражение лица и топорный казенный язык, женщины видели, что ему не все равно. И похоже, Игнатович был единственным человеком в их жизни, которому было не все равно.

Каким образом ему удалось добиться ссылки в Бешенковичи да еще на должность адвоката, никто так и не сказал, но, зная его характер, предположить было несложно. В очередной раз сказал, что «тут все одни идиоты», в какой-нибудь особенно изощренной форме.

Игнатович, кажется, даже не понимал, что, устраивая все эти дополнительные проверки, экстренные совещания и экспертизы, он просто в более деликатной, а следовательно, и в более обидной форме говорит всегда одно и то же: «Все вы тут одни идиоты, только я один умный и знаю, как должно быть по закону». Возможно, следователь и не имел этого в виду, когда устраивал очередную проверку, но все воспринимали это именно так. Проигнорировать грамотно составленную бумагу было нельзя, но вот устроить массу проблем человеку, который ее составил, было вполне под силу любому, даже самому незаметному и незначительному начальнику.

Раз за разом, независимо от результатов проверок, он оказывался в очередной ссылке в медвежьем углу на пару лет, пока вдруг кто-то не замечал его вьедливую настойчивость и педантичность и не начинал проталкивать вверх по карьерной лестнице.

За несколько лет службы в прокуратуре он проработал, кажется, во всех подразделениях, пока не был направлен в отдел по особо тяжким преступлениям, самый почетный и уважаемый отдел, по мнению самого отдела. Теперь Игнатович занимался тем, что ему действительно было интересно: громкими и резонансными делами, которые можно было отправлять на следствие, а иногда даже удавалось добиться пересмотра приговора.

Карьера честного следователя шла в гору целых пять лет подряд, вплоть до 1981 года. В какой-то момент его даже направили в группу, расследовавшую гибель в автокатастрофе Первого секретаря ЦК КПБ П. М. Машерова. Вполне понятное дело, в котором не было какого-то двойного дна. Проблема заключалась в том, что погиб крупный чиновник, а участниками аварии стали машина ГАИ и грузовик «МАЗ». Никому не хотелось, чтобы виновными признали сотрудников ГАИ, но замять гибель такого видного человека было невозможно. Дотошный и внимательный Игнатович по секундам восстановил аварию и благополучно закрыл дело, моментально превратившись в «одного из лучших следователей страны». Любой человек, желающий построить карьеру, решил бы отойти от «работы в поле» и начал бы зарабатывать звездочки на погонах. Теперь уже все ждали от Игнатовича именно этого, слишком высоко ему удалось запрыгнуть в этот успешный период карьеры, но проблема Игнатовича заключалась в том, что «все должно быть по закону». Ему было неинтересно заниматься собственной карьерой, намного интереснее было расследовать дела и защищать невиновных от неумолимой машины правосудия. Сомнительный старт карьеры давал о себе знать.

Осенью 1985 года Игнатовичу должно было исполниться сорок пять лет, его карьера близилась к концу, а количество людей, которые были заинтересованы в ее досрочном завершении, с каждым днем только возрастало.

– Что за гиблое место? – поинтересовался Игнатович у прокурора, глядя своим тяжелым взглядом из-под бровей, благодаря которому следователя побаивались не только осужденные, но и коллеги.

– Под Витебском пропадают девушки, несколько случаев за полгода, – пояснил начальник Игнатовича. – Дело вел твой давний знакомый, – главный прокурор республики замолк в ожидании реакции следователя.

Игнатович вопросительно посмотрел на начальника, а потом молча кивнул.

– Разрешите идти?

Всем было понятно, что для Игнатовича это шанс отомстить старому лису, доказать свою правоту и защитить невиновных. Свою карьеру ему уже все равно было не спасти. Да и плевать он на нее хотел. Никаких особенно больших денег повышение в должности ему не сулило. С женой он развелся несколько лет назад. Детей не было. Единственное, что для него сейчас представляло ценность, так это возможность раскрыть дело, доказать себе, что за несколько лет на задворках жизни он еще не разучился работать.

На следующий день следователь Николай Игнатович прибыл в Витебск. Низкие, припорошенные снегом домики утопали в вечном зимнем сумраке, который обычно опутывает город где-то в ноябре и ослабляет хватку только к апрелю. Этот город Игнатович любил еще с первых дней своей работы в должности адвоката. Деревня Бешенковичи располагалась всего в пятидесяти километрах от Витебска, поэтому именно сюда приходилось ездить отчитываться перед начальством, подавать заявления о пересмотре дел и жалобы от местных жителей. Город не так сильно пострадал от войны, тут еще сохранились старинные и ветхие домики. В них располагались коммунальные квартиры, поэтому местные жители терпеть не могли эти дома из-за отсутствия мусоропровода, лифта и перебоев с горячей водой, но вот вид города эти небольшие особняки украшали, превращая Витебск в совершенно особенное место.

Облисполком Витебска располагался в большом старинном здании в центре города. Следователь бывал здесь очень много раз еще в бытность работы адвокатом, да и потом не раз приезжал сюда по самым разным делам, поэтому прекрасно знал, где тут и что расположено. Даже уборщицу, которая ему встретилась на пути к начальнику УВД области, он узнал. Единственное, что здесь более или менее часто менялось, так это таблички с именами на кабинетах. Имя нынешнего начальника УВД Игнатовичу было хорошо знакомо, им оказался Мечислав Гриб, который несколько лет был начальником Управления охраны общественного порядка МВД БССР. Судя по слухам, сюда его сослали как раз из-за дела о пропадающих девушках.

– Следователь по особо важным делам Игнатович прибыл для организации помощи в деле о пропавших без вести женщинах в окрестностях Витебска, – с порога начал рапортовать он.

Мечислав Гриб принял Игнатовича хорошо. Обычно, когда приезжаешь куда-то «для помощи в расследовании», тебя воспринимают в штыки, но Гриб сам был новым человеком, он знал о деле не больше Игнатовича и ничью честь мундира не защищал, по крайней мере пока.

– Мне важно разобраться с этим делом, Николай, – сказал Мечислав Гриб, когда Игнатович уже собирался уходить. – Если вам понадобятся какие-то ресурсы, обращайтесь.

Следователь кивнул. В его ведении теперь была большая оперативно-разыскная группа, которую можно было занять работой по делу. Это грозило месяцами кропотливой работы с архивом, возобновлением давно закрытых дел, по которым уже были вынесены приговоры, но Мечислав Гриб ясно дал понять, что не боится гнева начальства. Ему важно было раскрыть это дело, и единственным человеком, который не сгибался в поклоне при упоминании фамилии «советского Мегрэ» Жавнеровича, был этот мрачный следователь с сомнительной репутацией. Впервые в жизни Николая Игнатовича слышали и слушали, и сейчас он чувствовал, что в его власти сделать действительно что-то важное. Впервые на него обратили внимание.

1

В молчании

1947–1958 гг. Деревня Ист. Витебская область

Геннадий Михасевич родился 7 апреля 1947 года в обычной семье сотрудников совхоза деревни Ист Миорского района. Они были среднестатистической семьей, которая жила не лучше и не хуже остальных. По крайней мере, так все считали. Отец и мать Геннадия трудились в совхозе, а это значило, что на работу им приходилось вставать еще до рассвета, а заканчивался их рабочий день уже к обеду. Вечером отец уходил куда-то, чтобы вернуться в изрядном подпитии, а мать, тихая и безответная женщина, в это время занималась детьми.

Гена был младшим из пятерых детей и с юных лет усвоил, что чем меньше он выделяется, тем лучше для него. Братья и сестры никогда не замечали младшего и не брали в свои игры. Разница в возрасте не позволяла, да и неинтересно было. Мать всегда добросовестно исполняла все свои обязанности, но казалось, что к пятому ребенку ей стало безразлично воспитание детей. С этим намного лучше справлялись государственные организации. Отца же в семье все боялись, так как перепады его настроения сложно было спрогнозировать. Когда мужчина был пьян, все в доме прятались по углам. Детей он бил, только если они попадались под горячую руку, а вот мать семейства получала каждый раз. Казалось, мужчина винит ее во всех проблемах в жизни.

Модест Михасевич не служил во времена войны, так как не подошел ни по возрасту, ни по здоровью. В целом же семье Михасевичей повезло так, как не повезло большинству семей в БССР. Все они выжили во времена войны, оккупации, голода, сожжения изб с евреями и других ужасов войны. Они благополучно пережили голодные послевоенные годы, а в 1947 году у них даже появилось прибавление в семействе. Казалось, жизнь сложилась и... закончилась.

В годы войны все поголовно курили табак и выпивали «фронтовые сто грамм», независимо от того, на фронте они или нет. Этот минимум помогал справиться с перманентным страхом за свою жизнь. Модест Михасевич так и не смог избавиться от этих привычек. Водка стала спасать его не только от бомбардировок и голода, она стала помогать ему справляться с семейными проблемами, неудачами на работе да и просто с жизнью. Старшие братья и сестры Гены еще помнили отца, который мог выйти с ними во двор и поиграть, дать пару советов и даже разрешить поводить трактор (такое, правда, случалось нечасто). Гена запомнил уже другого отца.

Старший Михасевич превращался в настоящего зверя, стоило ему выпить хотя бы стопку водки. Его глаза наливались кровью, он буквально искал человека, на которого можно будет излить всю ненависть к миру. И, надо признать, он всегда находил. Часто он изливал свой гнев на собутыльников, из-за чего его пару раз даже пытались уволить, но в послевоенные годы мужчины были на вес золота, а уж человек, разбирающийся в технике, ценился втрое. Чаше, впрочем, он приходил домой и изливал свой гнев на жену. Достаточно было укоризненного взгляда, неловкого жеста или случайной фразы, чтобы мужчина начал орать на нее и раздавать затрещины. Наутро женщине приходилось искать способ скрыть синяки и ссадины с помощью косынки или кофты с длинными рукавами. Дети обычно старались убежать из дома в такие моменты, но несколько раз Гена не успевал выбежать во двор до прихода отца и прятался под столом или на печи. Пьяный Модест не смотрел по сторонам, его интересовала жена. Завидев ее, он резко хватал ее за шею, говорил что-то, а затем насиловал.

Эти сцены, увиденные в возрасте лет двух-трех, навсегда остались в его памяти. Они что-то переменили в нем. Мальчик был привязан к матери, испытывал острое желание защитить

ее каждый раз, когда на нее нападал отец, но вместе с тем стал испытывать к ней некоторую брезгливость. Она стала ассоциироваться с чем-то грязным и недостойным. Этому чувству способствовал и отец, который весьма специфически относился к женщинам.

– ...Они, как животные, ищут себе самца получше, а потом сравнивают. Их нужно держать в узде, как скотину... – любил говорить Модест, будучи в относительно трезвом и добром расположении духа. Мужчина считал, что так делится мудростью с сыновьями.

Время шло, и дети Михасевичей росли. Все они ходили в ближайшую к дому сельскую школу, в которую определили и Гену. Тихий, незаметный мальчик превратился в такого же тихого и незаметного ученика, сидящего за самой последней партой возле окна. Он неплохо справлялся в классе, но практически никогда не делал домашних заданий, а возле школьной доски впадал в настоящий ступор, который только подогревался издевками учителей. Никто не мог предположить, что в тот самый момент, когда он выходит к доске и все тридцать любопытных пар глаз устремляются прямо на него, что-то замыкается в глотке и он попросту утрачивает возможность говорить. Учителя только подтрунивали над Михасевичем, желая его как-то растормошить, но вместо этого он только еще больше замыкался в себе, еще сильнее ненавидел окружающих. Сложно обвинить в этом сельских учителей, которые искренне полагали, что молчать у доски ребенок может только по одной причине: потому что не выучил урок. Конечно, бывает, что человек боится выступать перед публикой, со всеми бывает, но так то ж перед публикой, а в классе-то все свои. Никто ведь во время застолья не боится говорить тосты, а класс – та же семья.

Постепенно за Геннадием закрепились слава самого плохого ученика. Девочки обычно вплоть до старшей школы очень много времени уделяют школьным занятиям, в отличие от мальчиков, которые лишь к концу обучения начинают проявлять интерес к предметам. Классный руководитель часто подтрунивала над глупостью Михасевича, а девочки с удовольствием переняли эту привычку и стали смеяться над глупым и неопытным Геннадием. Дома пил отец, а у матери не было ни сил, ни возможностей, чтобы следить за тем, в каком виде дети ходят в школу. Да и зачем следить, если нужна одна только форма? Девочки должны сами за ней ухаживать, а за мальчишками не набегаяешься, воротники не начистишь. По мере того как спивался Модест, мать Геннадия как будто угасала и погружалась во все более черную депрессию. Жить с агрессивным, озлобленным и жестоким Модестом было невыносимо, но даже помыслить о том, чтобы развестись, женщина не могла. В деревне нельзя прожить без мужчины, да еще к тому же с детьми. В тяжелые послевоенные годы мужчин подходящего возраста в деревне попросту не было, так что шанс на то, чтобы найти нового мужа, стремительно близился к нулю. Каждый день жизни с Модестом все ближе придвигал женщину к краю пропасти, но, кажется, женщина уже смирилась со своей участью и просто ждала, когда все наконец закончится. Смерть – это ведь не так плохо, как ни крути, но это все-таки способ выбраться из капкана. Рано или поздно муж избыет ее до смерти. Какое-то время женщина пыталась избежать этих пьяных драк и насилия, всеми правдами и неправдами старалась не попадаться мужу на глаза, когда тот был пьян, но постепенно все эти уловки сошли на нет. Модест почти всегда был пьян, а жена раздражала его одним только фактом своего существования, равно как и дочери, которые выглядели точь-в-точь как и жена, но на двадцать лет моложе.

Повзрослев, братья и сестры Геннадия старались как можно меньше бывать дома. Девочки поначалу проводили все свое свободное время у подруг или в школе, а лет с тринадцати начали гулять с сельскими мальчиками, чтобы только как можно быстрее убраться из отчего дома. С мальчиками все было проще. Во-первых, отец их не бил так сильно, но, что еще важнее, не унижал.

– Зачем ты убираешь со стола, что, мать не может этого сделать?! Ты что, тряпка? Подкаблучник? Бабы всю жизнь тобой помыкать будут...

Модест заводился каждый раз, когда видел, что сыновья делают что-то по дому. Каждая следующая фраза распаляла его все сильнее, но остановиться обычно он уже не мог. Тот, на кого обрушился праведный гнев отца, старался попросту не обращать внимания на пьяные бредни и молча наспех мыл пару тарелок, а потом просто сбегал к чертовой матери из дома. Жизнь в деревне хороша тем, что всегда есть возможность скрыться или спрятаться у кого-то из друзей или соседей. Необязательно что-то говорить или объяснять, нет необходимости говорить о том, у кого ты. Здесь все стараются приглядывать за всеми.

Жена Модеста старалась не отвечать на оскорбления и даже перестала уворачиваться от ударов. Ее скорбная восковая поза, в которой она обычно сидела в углу комнаты, всегда выводила из себя мужа. С каждым следующим ударом Модест как будто обретал все больше сил, чувствовал звериный азарт. Остановить его в такие моменты мог только кто-то со стороны. Так случалось много раз. На шум к ним прибегали соседи, готовые помочь усмирить алкоголика. При виде кого-то чужого Модест как будто сразу осекался, трезвел и превращался в радушного хозяина, которому не повезло с женой, оттого и дома бардак, и дети не причесаны. Вскоре так все и стали считать, а женщине пришлось смириться и с этим, так как ее с детства учили, что нельзя говорить ничего плохого про мужа и детей. Да и не хотелось ей. Наличие мужа – это то, чему всегда завидовали женщины села. Подогревало эту зависть и то, что со стороны Модест казался вполне положительным, пусть и выпивающим, мужчиной. Если он поколачивает жену, так, видимо, есть за что. Значит, не ценит она своего счастья. О том, что быть замужем за Модестом вовсе не такое уж счастье, говорить было бессмысленно. Женщину никто бы не понял.

Природа наделила детей только одним способом защититься от врага – криком. Наверное, именно поэтому детский плач является самым раздражающим, самым непереносимым звуком, который физически невозможно проигнорировать. Взрослый человек бежит туда, где плачет ребенок, повинаясь инстинкту. Вопрос лишь в том, что он делает, когда прибегает и не видит достаточной, с его точки зрения, опасности. Модест обычно свирепел.

Геннадий кричал, когда его мать избивали или когда мужчина в бешенстве швырял вещи в стену, но от этого крика все становилось только хуже. Ребенок пытался задобрить отца, но и это не давало результата, но обижало мать. Если ребенок понимает, что любой его выбор будет значить ошибку, он обычно отказывается делать какой бы то ни было выбор и застывает. Когда очень долго молчишь, крик парализует тебя еще до того, как он успевает вырваться из глотки. Ты начинаешь задыхаться то ли от страха, то ли от гнева, причина уже не имеет значения.

Спустя какое-то время мать Геннадия перестала защищать детей, избрав тактику неведения. Она просто старалась уйти в другую комнату, чтобы не видеть всего, что сейчас будет происходить. Кажется, она все время старалась просто исчезнуть, раствориться в воздухе, так как ее существование как будто никому не приносило никакой пользы.

Когда женщина прекращает попытки защитить своих детей, обычно это обозначает тяжелую депрессию. Когда мужчина начинает проявлять сексуальный интерес к своим дочерям, это обычно свидетельствует о распаде личности, чаще всего из-за алкоголя. Это случается чаще, чем можно предположить, но люди обычно стараются не замечать этого, делать вид, что ничего не происходит, даже если это происходит за тонкой перегородкой в деревенском доме.

Две белокурые девочки семьи Михасевичей были как две капли воды похожи на свою мать в юности, а если учесть, что они часто одевались в платья матери, то пьяный Модест начинал видеть в них свою жену. Как можно было допустить, чтобы жена собиралась на танцы с каким-то парнем из соседней деревни? Чтобы жена красила губы в непотребно красный цвет?!

Глаза Модеста мгновенно наполнялись кровью, и тот начинал захлебываться от оглушающих волн гнева. Дальше все разворачивалось по двум сценариям. Либо девочке удавалось вырваться и убежать, а потом еще пару дней прятаться по соседям. Либо, что бывало чаще, отец затаскивал их в дом и принимался избивать и душить их. Вся остальная семья при этом

могла быть на кухне и спокойно пить чай. Еще пару лет назад, когда девочки только-только начали тайком бегать на свидания, чай пила только мать семейства с маленьким Геннадием на руках. Сейчас состояние абсолютного эмоционального отупения и опустошающего безразличия охватило уже всю семью.

Шестилетний ребенок не понимал, как нужно себя вести. Как он ни старался, он не мог предугадать реакцию отца на свои поступки. Иногда он поступал одним образом, и отец это одобрял. В следующий раз ребенок поступал таким же образом, но Модест неожиданно впадал в приступ неконтролируемой ярости. Ребенок отчаянно хотел, чтобы его заметили, но, с другой стороны, он понимал, что оставаться невидимым безопасно. Мать редко тратила на него хотя бы несколько минут времени, а братья и сестры никогда не брали в игру, но и отец его бил реже всех. Однажды он застал сестер за странным развлечением. Девочки были на заднем дворе дома. Они тихо переговаривались о чем-то, а потом вдруг этот шепот прерывался оглушительным хохотом, после которого наступала полная тишина. Девочки заметили, что младший брат за ними подглядывает, и неожиданно позвали его к себе. Оказалось, что им недавно рассказали о развлечении, которое обычно называют «собачьим кайфом». Обычное, но опасное школьное развлечение. Нужно было сесть на корточки, прислонившись к стене, а затем начать быстро дышать, чтобы наполнить мозг кислородом. Спустя минуту или две второй человек должен был подойти и пережать сонную артерию. В этот момент человек обычно теряет сознание, а в мозг выбрасывается смесь гормонов, отвечающих за страх и удовольствие – адреналин и дофамин. Весьма сомнительно, что от такого способа можно получить физиологическое удовольствие, но это развлечение пугало и захватывало дух. Тот, кто душил, с ужасом и любопытством смотрел, как дергается в бессознательном состоянии человек, осознавая, что это его рук дело. Секунду назад жизнь человека была в его руках. Второй же человек обычно приходил в себя лежа на земле и совершенно не помня, что делал несколько минут назад. Что может быть страшнее, чем потерять свою память? Обычно память возвращалась, а дыхание выравнивалось. Иногда развлечение заканчивалось трагедией, но это обстоятельство еще никогда не останавливало подростков от совершения глупостей.

Ребенок замороженно наблюдал за тем, как сестер веселит это развлечение.

– Давай тебе тоже сделаем? – предложила ему старшая сестра.

Ребенок был счастлив, что его впервые взяли в игру, поэтому готов был абсолютно на все. Он очень сосредоточенно выслушал инструкции, присел на корточки и стал прерывисто дышать как «запыхавшийся щенок». Затем он резко встал, и одна из девочек сжала руки на шее ребенка. В этот момент на улицу вышел Модест. Увидев, чем заняты дети, он начал орать. Геннадий упал без сознания и задергался в конвульсиях. Это продолжалось всего несколько секунд, но за такой короткий промежуток времени напугаться успели все.

Придя в себя, ребенок увидел, что отец дико орет на девочек за то, что те «пытались удавить» его. Отец еще долго бесновался, но из всего этого крика Геннадий понял только то, что сестры на самом деле не взяли его в игру, а просто поиздевались, попытались его убить. Он бы забыл о случившемся уже на следующий день, если бы не тот факт, что отныне сестры стали попросту игнорировать его существование. Каждый раз, когда его теперь не брали в игру, он вспоминал то, как над ним поиздевались.

Я ненавижу женщин. Так случилось, что во всех моих бедах в жизни всегда были виноваты они. Подлость их и глупость всегда становились причиной моих бед. Они всегда смеялись надо мной в школе, не замечали и обманывали. Они все обманывают. К мужчинам никакой неприязни, но женщины вызывают у меня ярость, ненависть, которая не проходит.
Из показаний Г. Михасевича

Две дочери Михасевичей уехали из дома сразу же, как только получили аттестат об окончании средней школы. Они, не сговариваясь, предпочли навсегда забыть о детстве, семье и отчем доме. Только после переезда к ним постепенно стало приходить понимание того, в каком аду они жили последние несколько лет. Дочери Модеста считали, что все так живут и в их семье нет ничего исключительного. У кого-то все получше, а у кого-то похуже. Родители одних одноклассников казались им совершенно потрясающими, а родители других недолюбливали неблагополучных девочек, но ведь никто никогда не рассказывал, как эти родители ведут себя без посторонних. Модеста все считали добропорядочным мужчиной, выпивающим, но работающим. Никто в деревне никогда про него ничего плохого не говорил, чаще сплетничали о его жене. Все дети Михасевичей были твердо уверены, что все люди при посторонних превращаются в кого-то другого. Ребенок не способен осознать степень страданий по той простой причине, что ему не с чем сравнивать. Жизнь постепенно становится все более невыносимой, но человек не способен этого заметить. Точно так же, как лягушка не замечает того, как нагревается температура воды, и постепенно умирает, человек всегда принимает заданные правила игры и привыкает к ним. Так обычно и бывает. Психическая болезнь от нормы отличается лишь интенсивностью и длительностью переживаний. Если обычный человек при посторонних может выйти из себя, повысить голос, но ударить он не сможет, а придя домой он попросту забудет о недавней ссоре, то человек с психопатическим складом характера сможет сохранить вид вселенского спокойствия на людях, а придя домой вспомнить недавнюю ссору и моментально превратиться в тирана и деспота.

Не раз бывало, что девочки видели отца в окружении друзей, когда возвращались из школы. Мужчина мог окликнуть их, поинтересоваться, как идут дела в школе, дать парочку ценных указаний и потерять к ним всякий интерес. Девочки знали, что нельзя верить этому кажущемуся добродушию. Придя домой, отец обязательно начнет орать на них, заставлять перемывать полы и рассказывать о том, что они продажные и уродливые существа, а таковыми он считал всех женщин.

После переезда выяснилось, что некоторые люди живут совершенно по-другому. Они так же просыпаются в пять утра, идут на работу, а потом выпивают с друзьями на природе или у кого-то в доме. Все точно так же, как и было, но совсем по-другому. Чем больше девушки погружались в этот новый, совсем другой мир, тем с большим отвращением они вспоминали о детстве. Свекровь одной из них часто спрашивала, почему девушка совсем не ездит к родителям.

– Там и без меня народу полно, – легко отвечала она и старалась сменить тему разговора.

Даже если бы она захотела, она бы просто не смогла рассказать о детстве, потому что не сумела бы отделить черное от белого, хорошее от плохого, а нормальное от ужасов, которые не принято с кем-то обсуждать. Девушки пока не понимали, что невозможно найти что-то другое, если не знаешь, как это выглядит. Человек обычно попросту не замечает изменений, происходящих вокруг него. Если вы не будете знать, что какой-то магазин по дороге домой закрыли, вы никогда не заметите заколоченную дверь. Если вы не знаете, как выглядит спокойный, добродушный человек, вы никогда не сможете определить такого в толпе. Даже если вам предложат поговорить с каждым и определить самого спокойного человека, если вы не знали таких раньше, вы всегда выберете фальшивое, напускное спокойствие, под которым скрываются еле сдерживаемые гнев и злоба.

Постепенно новая, совсем другая жизнь, которую организовали себе девушки, стала приобретать все больше сходства с жизнью в родном доме. Температура воды снова стала расти, только этого пока еще никто не замечал.

С отъездом девушек в доме Михасевичей стало намного тише. Старшие сыновья Модеста окончили восемь классов и стали работать в колхозе. Теперь их редко можно было видеть дома. Гена Михасевич благополучно окончил начальную школу и перешел в пятый класс. Мальчик

рос тихим и молчаливым ребенком, который предпочитал большую часть времени проводить дома. Казалось, что его ничуть не задевают насмешки одноклассников или придирки учителей. За это спокойствие и молчаливость его стали считать прилежным учеником, приняли в пионеры, пусть и не в числе первых, и стали держать на хорошем счету. Пусть он и не хватал звезд с неба, но и совсем уж отсталым учеником он все-таки не был, а зачем будущему механику или слесарю в колхозе пятерки по литературе или истории? Тихий, прилежный, исполнительный – чего еще хотеть от ребенка в его возрасте?

– Мать небось не нарадуется, – шептали соседки, когда видели мальчика за прополкой сорняков в огороде. В огороде чаще всего можно было видеть младшего ребенка семьи, а мать Гены в последнее время видели очень редко. Она то и дело болела, а когда выходила на работу, еле могла поднять что-то тяжелее тряпки. Она теперь все реже с кем-то разговаривала, а друзей у нее практически никогда и не было. Впрочем, слухи о бардаке дома больше не ходили. Окна, которые все в деревне считают зеркалом дома, всегда блестели своей чистотой. На подоконнике всегда стояли какие-то статуэтки или поделки детей, а занавески всегда были выстираны и отглажены. В деревне степень благополучия дома вычисляют именно по этим признакам.

С отъездом дочерей Модест стал как будто меньше пить. На короткое время в их доме воцарилось спокойствие, лишь иногда прерываемое ссорами Модеста с женой. Женщина, кажется, смирилась со своей незавидной судьбой. Она почти всегда скорбно молчала всякий раз, когда Модест впадал в очередной приступ ярости, и только иногда начинала тихо скулить и вытирать непроизвольно скатывающиеся слезы.

– Не нравится со мной жить? Не нравится? Езжай к своим шалавам. Посмотришь, нужна ты там им или нет. Или мужика другого найди, получше, если кто на тебя еще посмотрит. Все вы... гниль...

Такие речи Модест говорил в благодушном настроении. Вид скулящей жены вызывал у него чувство брезгливости, смешанное с каким-то смутным удовлетворением. Раз скулит, значит, знает свое место.

2

Лишний человек

1958–1967 гг. Деревня Ист. Витебская область

Ни один психиатр в мире не сможет дать уверенного ответа на вопрос о том, можно ли стать психопатом или нужно родиться с определенными особенностями личности. Обычно предпочитают говорить о том, что здесь необходимо «сочетание генетических особенностей и фактора среды». Дело в том, что никаких более или менее вразумительных экспериментов придумать просто невозможно, а следовательно, нельзя и проверить теорию. Тем не менее теория о том, что расстройство личности все же может развиваться при стечении ряда обстоятельств, на сегодняшний день считается одной из самых правдоподобных и обоснованных с научной точки зрения. Согласно этой теории, если ребенку с выраженной акцентуацией характера в ключевой для него возрастной кризис пришлось пережить сильную душевную травму, то, скорее всего, акцентуация превратится в психопатию. Причем здесь важен фактор времени. Короткое переживание никогда не дает таких серьезных последствий, даже если это смерть родных, война или насилие. Человек должен длительное время пребывать в невыносимых условиях. Достаточно длительное для того, чтобы психика успела измениться.

Геннадий остался один на один с отцом и безмолвной и безразличной ко всему матерью. Изо дня в день отец садился на крыльцо возле дома с бутылкой водки или самогона и начинал рассказывать о своей ненависти к женщинам. Поначалу это звучало как благодушное философствование, но потом вытекало в скандал и избивание либо жены, либо сына. Под постоянным воздействием агрессора у жертвы начинает разрушаться личность. Она буквально тает, как ледяная скульптура жарким летом. Чтобы выжить, психика учит человека отстраняться от ситуации, наблюдать за всем происходящим со стороны. Чтобы оградить себя от невыносимых переживаний, жертва начинает искать оправдания своему мучителю, а потом постепенно превращается в него, перенимает его привычки, присваивает его слова и поступки. С течением времени Геннадий постепенно начал превращаться в своего отца, в ту его версию, которую он знал: в пожилого, агрессивного психопата-алкоголика. Вот только от запаха алкоголя Михасевича с детства выворачивало.

– А Михасевича приглашать будем? – шепотом поинтересовалась одноклассница Геннадия у кого-то из приятелей. Речь шла о праздновании выпускного, которое начали обсуждать чуть ли не с начала учебного года.

– Какого Михасевича? – не понял собеседник девушку.

– Сына алкаша из дома на окраине, я другого Михасевича не знаю, – подал голос кто-то третий.

– Зачем ты так? Сын за отца не в ответе, – обиделась девушка и напомнила приятелю знаменитую цитату Сталина. На дворе был конец 1960-х, и даже в глухой деревне Витебской области эта цитата вызвала скептические смешки. Все всегда понимали, что этот закон работает только на словах.

Геннадий Михасевич слышал этот разговор. Для подростка не было новостью, что одноклассники не очень-то горят желанием приглашать его на выпускной. Не очень-то и хотелось. Удивление вызвала одноклассница Лена, которая вдруг вызвалась его защищать. От кого-кого, но от девочки он этого не ожидал. Михасевич привык считать женщин существами более низкими и подлыми, чем мужчины. До сих пор это убеждение казалось чем-то естественным и само собой разумеющимся. Девочки с детства презрительно к нему относились. Сестры сначала «изводили отца своими танцами, а потом просто сбежали». По крайней мере, именно так

объяснял их поведение Модест, а Геннадий не мог в силу возраста оценить ситуацию с двух сторон. Модест же во время своих попок любил пофилософствовать с сыном. Эти размышления обычно сводились к рассказам отца о том, как они начали жить вместе с его матерью. У нее тогда просто не было выбора. Если бы она не согласилась на предложение Модеста, «так бы в старых девах и ходила». Однако через пару лет их жизни у нее появился любовник.

– Подлая женская натура на большие чувства не способна, сынок. Они всегда ищут, где вкуснее кормят, где больше денег и дом получше... – часто повторял отец. По его словам, тот парень сбежал, поэтому мать осталась с ним, а вскоре родила среднюю дочку. Эти рассказы мать никогда не прерывала и не опровергала. Возможно, из страха перед мужем, а может, потому, что это было правдой. Так или иначе, эти истории еще сильнее отвратили подростка от матери.

«Женщина – существо низкое и подлое, всегда ищет где лучше жить, где больше кормят». Это казалось чем-то само собой разумеющимся, с чем не было смысла спорить. Да и все обиды на учителей и одноклассниц так было куда проще пережить. Кто обижается на таких? Зачем только эта девочка Лена решила его вдруг защищать, какая ей из этого выгода?

Учебный год подошел к концу. Церемония вручения аттестатов по традиции проходила в старом актовом зале сельской школы. Весь зал был уставлен простыми деревянными стульями из классов. На первых рядах сидели сейчас выпускники, включая Геннадия Михасевича, следом шли ряды для учителей и родственников выпускников, а на задних рядах уместились подростки на год младше, которые никак не хотели умолкать и всем сейчас мешали. Кто-то из подростков на задних рядах разливал всем алкоголь в украденные из родительского серванта рюмки, кто-то кричал с места какие-то ободряющие слова. Чуть тише стало только благодаря директрисе в старомодном платье, которая вышла на сцену и встала на фоне громоздких бархатных штор и портрета вождя. Женщина суровым взглядом обвела всех собравшихся, стараясь своей мимикой призвать всех к порядку. Получалось у нее не очень, но немного тише действительно стало. Сказав громкие напутственные слова, женщина начала приглашать учеников на сцену, чтобы вручить им аттестат.

Геннадий Михасевич получил свой документ о среднем образовании в числе всех остальных. В документе значились средние оценки, ничем не выделявшие его среди других учеников. В этой сельской школе, как и в большинстве других, было принято, что девочки должны учиться на четверки и пятерки, а мальчикам можно поставить и несколько троек по не самым важным предметам. Отчислять за неуспеваемость в очередной раз запретили «рекомендацией» из РОНО², а выдавать медали обычно было некому. Сколько бы конфликтов с учителями ни было, оценки в аттестате у всех были примерно одинаковые. Как бы ни презирали ученики «сына алкаша», его все же позвали отмечать окончание школы вместе со всеми. На том настояла Лена, которой свойственно было во всех конфликтах защищать слабую сторону. Одноклассники знали за ней это качество, но для Михасевича ее поступок действительно много значил.

– Все уже решили, кто чем будет заниматься? – спросил кто-то из ребят на выпускном. Вечер был уже на исходе. Все они уже изрядно выпили, и настроение сейчас у всех было таким, каким оно бывает только на выпускном, когда веришь, что с завтрашнего дня у тебя начнется большая, взрослая и наполненная приключениями жизнь. Они сидели на заднем дворе школы, как то делали сотни раз до этого, но теперь никто из учителей не мог их разогнать, потому как никакой власти над ними они уже не имели. Несколько человек ответили, что собираются уехать учиться в техникум, парочка сообщила, что собираются поступить в старшую школу. Кто-то из девочек сказал, что уже устроился на завод, расположенный в соседней деревне.

² РОНО – районный отдел народного образования. – *Прим. ред.*

– Михасевич, а ты что не пьешь? Боишься пойти по стопам отца? – спросил кто-то, указывая на пустой стакан подростка. Все тут же рассмеялись, а Геннадий Михасевич автоматически отставил стакан в сторону.

– Не обращай внимания, – прошептала Лена, которая считала себя ответственной за Михасевича сегодняшним вечером. Геннадий благодарно улыбнулся и смело посмотрел прямо в лицо девушке. Лена смутилась, и ее щеки тут же покраснели. Ей было неловко, что ее желание спасти всех слабых и угнетенных, кажется, истолковали иначе.

Михасевич благодарно улыбнулся, а уже под утро пошел провожать Лену до дома, так как ей нужно было возвращаться через лес в соседнюю деревню. Лес в предзвездной утренней дымке пугал и вдохновлял одновременно. Они правда хорошо провели время, пока шли к дому девушки. Лена с удивлением для себя поняла, что молчаливый и застенчивый «сын алкаша» действительно нормальный парень, ничем не хуже и не глупее других. Она, как и все, с настороженностью относилась к нему. В конце концов не зря все школьные годы его сторожили, не зря все учителя говорили, что из него никогда ничего путного не выйдет. С другой стороны, мало ли кто и что говорит, мало ли как человеку не повезло с родственниками, он же не виноват во всем этом. Так или иначе, девушка решила, что дружить с ним точно можно и нужно. Возможно, у него появятся еще друзья, компания, девушка. По крайней мере, он действительно самый приятный и умный парень из всех, с кем на тот момент ей доводилось общаться, а тот факт, что он всегда с большим трудом подбирал слова для ответа, даже начал казаться милым. Казалось, что он как будто боится показаться глупым и смешным, стесняется ее, но, в отличие от других деревенских парней, он не стремился показаться опытным и самоуверенным мужиком, который с пренебрежением относится ко всему, что говорит или делает девушка. Вчерашний выпускник Михасевич, казалось, с искренним интересом и даже каким-то восхищением относится ко всему, что говорит или делает Лена. Девушке льстило такое отношение. Возможно, она еще не успела его полюбить, но уж точно Михасевич начинал ей нравиться.

Инстинктивно Геннадий понимал, что не стоит рассказывать отцу о Лене. Само упоминание о ней в стенах этого дома казалось ему чем-то неприятным, как будто оскорбляющим девушку. Однако вскоре Модест все же заметил, что сын как-то подозрительно много времени проводит вне дома, и это начало раздражать его. Сын сейчас был последним человеком, на которого тот имел влияние, и Модесту было жизненно важно сохранить этот контроль. Он не хотел, чтобы сын уезжал учиться в ПТУ или техникум, уходил в армию или женился. Больше всего ему хотелось, чтобы Геннадий продолжал жить с ним в доме, ухаживал за ним и иногда выпивал за компанию. Последнее сын не любил делать категорически. Если ему не хотелось ругаться с отцом, Геннадий мог посидеть над полной рюмкой за столом, но никогда ее не выпивал. Ему было неприятно состояние опьянения. Тут же начинало казаться, что он сейчас потеряет над собой контроль, будет выглядеть глупо и смешно, как обычно и выглядят пьяные люди.

– Жениться собрался? Они все одинаковые, все ищут где получше кормят. Надо ж быть таким тупым, хотя б нашел себе кого после армии. Кто тебя три года ждать будет? – с каким-то легким злорадством стал говорить отец, когда Геннадию пришла повестка. Это произошло как раз после того, как Михасевич решил сделать предложение Лене.

Я любил только Лену. Со всеми остальными женщинами в моей жизни у меня не было никаких близких отношений. Когда мы с ней расстались, во мне стала расти злоба. Даже с женой мы редко разговаривали, я просто помогал ей по хозяйству, да и все.

Геннадий Михасевич

Девушка жила в соседней деревне, работала на заводе и собиралась пойти учиться в техникум. Михасевич часто провожал девушку с работы, чтобы той было не страшно возвращаться одной через лес, и заворожено слушал о ее планах и мечтах. Их отношения были больше дружескими, чем романтическими, но в деревне все постепенно стали считать их парой. Лена не замечала этих слухов или не хотела замечать. Ей льстило отношение Михасевича, а заводить другие романы не хотелось. Быть одинокой девушкой в деревне так же предосудительно, как и бегать на свидания с разными людьми. В любом случае будут говорить что-то неприятное. Лучше всего, когда тебя считают чьей-то девушкой. Никто не лезет с ненужными предложениями, никто не сплетничает о тебе по вечерам.

– Будешь меня ждать? – спросил Михасевич, показывая девушке повестку. Лена немного оторопела от такого вопроса. Она никогда не считала молодого человека кандидатом в мужья. Между ними даже сексуальных отношений никогда не было.

– Конечно, буду, – с легкой иронией в голосе сказала девушка, разглядывая повестку. Михасевич не услышал в ее голосе оттенка иронии.

3

Безупречная репутация

1919–1967 гг. Деревня Козуличи. Могилевская область

Уже к 1960-м годам Михаил Кузьмич Жавнерович превратился в гуру сыска, имевшего огромное количество наград, непогрешимого и образцового прокурора, пусть и с немного закостеневшими взглядами, но со стопроцентной раскрываемостью и безупречной репутацией ветерана Великой Отечественной, участника партизанского движения и гения допроса. Впрочем, так было не всегда.

«К раскрытию почти каждого загадочного убийства в Белоруссии причастен следователь по особо важным делам М. К. Жавнерович... Одни усматривают в этом везение, другие – некую особую интуицию, присущую Михаилу Кузьмичу. Но, думается, дело прежде всего в способности Жавнеровича разглядеть то, что до него осталось незамеченным, короче говоря, в высоком профессиональном мастерстве...»³

Михаил Кузьмич Жавнерович лет тридцать проработал в Прокуратуре БССР. Примерно двадцать из них он считался главным, гениальным и непогрешимым следователем со стопроцентной раскрываемостью дел. Так долго, что даже он забыл уже о том, что когда-то он не был лучшим следователем, а был насмерть перепуганным парнем, который отчаянно не хотел на передовую. Тогда таких было много, это потом уже все они превратились в бесстрашных бойцов, бегущих наперекор трассирующим пулям фашистов. Это потом они так часто слушали рассказы товарищей, так часто представляли себя на их месте, что сами стали верить, что принимали участие в событиях, о которых только слышали. Спустя еще несколько лет эти же люди стали рассказывать когда-то слышанные истории от первого лица, приправляя их яркими деталями и образами. Так происходит всегда с любой профессией. Кем бы человек ни работал, профессиональных историй обычно набирается не так уж много, а рассказать что-то всегда хочется. Эти истории, услышанные в курилках и на корпоративных мероприятиях, перемешиваются и разделяются поровну между всеми представителями профессии, не важно – военный ты, врач или учитель.

Жавнерович предпочитал не вспоминать и не рассказывать о своем детстве и времени войны, стараясь ограничиться скухими анкетными данными, которые требовалось указывать во всех документах, но чем дольше он служил в органах, тем чаще от него требовали рассказов о войне и тем реже встречались ему те, кто помнил насмерть перепуганного парня из Первой минской бригады партизан.

Он родился в 1919 году деревне Козуличи Бобруйского уезда в обычной, довольно обеспеченной по деревенским меркам семье. Своим детством он застал краткий период исторического затишья на фоне НЭПа, а вот подростковый возраст пришелся на страшные 1930-е годы. По всей стране стали организовывать колхозы и совхозы. Выращивать что-то на своем огороде теперь было запрещено, а продукты можно было получить только за карточки. Эти мятые талоны ценились намного выше любых денег. За деньги нельзя было получить продукты, а вот за эти заветные карточки, казалось, можно купить счастье и достаток. Только выдавали их в зависимости от того, как к тебе относится председатель колхоза, а настроение у него слишком быстро менялось.

³ Аринин В. И., Рекунков А. М. Советская прокуратура. – М.: Юридическая литература, 1982 г.

Голод присутствовал в их жизни столько, сколько он себя помнил. Летом было чуть попроще, а зимой голод не отступал от их семьи ни на шаг. Постепенно жизнь становилась все страшнее, но ребенок не замечал того, как вода в его котле нагревается до значений смертельной опасности. Он помнил, как надувались животы от голода у соседских детей, помнил, как то и дело до него доносились слухи о том, что кто-то умер от истощения. Все это было в порядке вещей. Так жили все. Иногда становилось проще, иногда – сложнее. Однако совсем далеко голод не отступал никогда.

Все стало меняться к худшему, когда ему было тринадцать лет. На дворе шел 1932 год, и до деревни Козуличи докатилась наконец волна всеобщей коллективизации и раскулачивания. В силу как раз вступил так называемый «закон о трех колосках». Колоски, которые случайно завалились в карман при сборе урожая, могли быть истолкованы как попытка украсть собственность колхоза. Такое преступление каралось немедленной отправкой в лагерь или расстрелом, причем амнистия на любую статью о хищениях государственной собственности не распространялась.

– Родине нужно больше хлеба, – пояснила мать, когда они наблюдали за тем, как из ближайшего дома их соседа выводила команда молодых мужчин в форме и с совершенно одинаковыми лицами. Все знали, что его ведут на допрос, с которого редко кто возвращался живым, и уж точно никто не жил потом долго.

Отряды по раскулачиванию вызывали благоговейный трепет у всех мальчишек. Их все боялись, им все было дозволено, они могли прийти к каждому и каждого могли приговорить к смерти. Они были супергероями, которых все боялись, но которым закон позволял абсолютно все, ведь по факту они и были закон.

Люди не понимали, за что их допрашивают и за что расстреливают прямо в поле. Еще несколько лет назад, во времена НЭПа, было стыдно не иметь собственного огорода, а сейчас не было большего преступления, чем держать у себя в погребе пару мешков картошки. Теперь люди должны были работать в колхозах, выращивать пшеницу и печь хлеб для кого-то непонятного в городе, но при этом умирать от голода. «Потому что Родине нужно больше хлеба». Самым страшным преступлением было иметь погреб или специальную яму для хранения продуктов. Эти погреба и ямы искали повсюду. Если ты мог сказать, где расположена яма соседа, то тебе полагалась пара лишних продуктовых карточек на грязный, с примесью гороха, хлеб.

О методах допросов этих бригад впоследствии писали очень много. Часто людей запирали голыми в амбарах, выводили на мороз или поджигали, только чтобы они сообщили о месте, где спрятана пшеница. Не имело значения, о чьих именно запасах они говорили. Главное, чтобы они признались. Главное – найти место, где спрятаны продукты. Именно от этого зависела премия. Впоследствии Михаил Шолохов напишет письмо И. Сталину, в котором расскажет обо всех ужасах коллективизации, и это поможет. По крайней мере, повторения того беспредела, который творили сотрудники ОГПУ в 1932 году, больше уже никто не допустит. Сажать и расстреливать за расхищение государственной собственности будут еще долго, но вот бессмысленных пыток, глупого и бесконечно жестокого беспредела, который творили молодые, необразованные сотрудники ОГПУ, больше не будет. Справедливости ради нужно сказать, далеко не все люди в этих отрядах применяли пытки в своих методах. Таких было меньшинство, пусть они и работали максимально эффективно. В большинстве случаев эти бригады состояли из обычных молодых людей, которые не имели садистских наклонностей.

Маленький Миша Жавнерович был свидетелем нескольких арестов в своей деревне. Он прекрасно знал, что их ведут на допрос, чтобы узнать, где спрятано зерно, поэтому когда на его глазах повели в амбар для допросов его соседа, он закричал:

– Подождите, я знаю, где склад...

Кто-то из сотрудников НКВД обернулся и с подозрением посмотрел на мальчишку, которому на вид нельзя было дать и двенадцати лет. По протоколу его нужно было допросить и

отправить в колонию, но, конечно, никто не стал этого делать. Миша Жавнерович показал место, где его семья вместе с соседом хранила несколько мешков с зерном, которые должны были помочь им выжить зимой. Сосед тут же начал кричать, что это не его склад, а Жавнеровичей, но никто не захотел ему верить. Мужчину отправили в лагерь, а о его дальнейшей судьбе больше не было никаких известий.

Впоследствии подросток несколько раз видел бригады сотрудников ОГПУ, которые приезжали к ним в деревню, чтобы найти спрятанные запасы пшеницы. Казалось, что они приходят в совершенно случайный дом и ведут на допрос людей, выбранных по принципу жребия.

– А какая разница, к кому приходит? У всех что-то спрятано, все в чем-то виноваты, – спокойно пояснил какой-то мужчина, когда подросток Жавнерович пристал к нему с расспросами.

– Не все, – то ли заупрямился, то ли испугался ребенок.

– Не все успели что-то натворить, но это значит, что они просто не успели, – спокойно пояснил мужчина в утреннем приступе житейской мудрости.

Подросток пошел за амбар и нашел щелку, в которую можно было заглянуть и увидеть то, что происходит внутри. Глазу открылась небольшая комнатка, в которой сидели насмерть перепуганный односельчанин и незнакомый мужчина в кожаной куртке. Эти допросы велись по одинаковой схеме. Никто не пытал и не поджигал людей, как то описывал М. Шолохов в своем письме. Обычно действовали по стандартной схеме: сначала располагали к себе испуганного и полностью дезориентированного человека, потом задавали пару интересующих вопросов, а потом, когда человек начинал упрямиться, невзначай говорили, что соседи уже и так обо всем доложили, а от мужчины нужна вовсе не информация, а признание, которое поможет уменьшить грозящий срок. Эта схема работала почти всегда.

К середине 1930-х годов коллективизация была завершена, а с «кулаками» было покончено. Строго говоря, деревня Козуличи вышла из этого периода с наименьшими потерями. Несколько людей запытали до смерти, еще несколько человек отправились в лагерь, а кое-кто умер от голода. И все же большая часть деревни выжила, ну а жертвы есть у любой эпохи.

Михаил Жавнерович окончил школу, отработал пару лет формовщиком-литейщиком на заводе и отправился служить в армию, имея четкое представление о том, чем он хочет заниматься в будущем. Он хотел служить в органах, искать преступников и ограждать от них общество. Ему хотелось быть главным человеком в деревне, быть тем, кого все боятся и уважают, а служба в органах давала такую возможность. Он благополучно вернулся из армии на излете 1940 года, когда сумерки над БССР уже сгущались. Никто не мог предположить, что именно 22 июня 1941 года начнется война, но о том, что эта война будет, говорили часто.

Где был Михаил Жавнерович в период с 1941 по 1943 год, неизвестно, но на фронт он не попал. Только в июне 1943 года, когда БССР была освобождена от немецких захватчиков, он оказался в отряде имени В. Чкалова Первой минской партизанской бригады под руководством М. М. Непринцева. Впоследствии всякий раз, когда речь заходила о том, где Михаил Жавнерович был в начале войны, с лица прокурора моментально слетала привычная самодовольная, но располагающая полуулыбка, он приближался к собеседнику настолько близко, чтобы интервьюер начинал чувствовать себя некомфортно, а потом спрашивал:

– На что вы сейчас намекаете, позвольте спросить? У меня медаль Партизана Отечественной войны Первой степени есть, вы думаете, ее просто так дают?

Медаль за партизанскую деятельность Михаил Кузьмич действительно получил, что и значилось в наградном листе. Спустя время кто-то выправил в наградном листе пункт, в котором указываются годы службы в отряде, но в те годы никому уже не пришло бы в голову задавать неудобные вопросы «Белорусскому Мегрэ». Ходили слухи, что Михаил Жавнерович был в плену у немцев, что вполне походило на правду, так как БССР в начале войны была практически полностью оккупирована, но в те годы никто бы никогда не признался, что был в плену.

В 1944 году Михаил Жавнерович в свои неполных 25 лет выглядел на все сорок. У него уже был цепкий и холодный взгляд профессионального следователя, которым он подмечал мельчайшие детали и нестыковки в показаниях. В его волосах появилась первая седина, а на лице – характерные для куда более серьезного возраста заломы. Впрочем, на службе в партизанском отряде он научился маскировать эти приметы фронта смехом. Чем в более экстремальную ситуацию попадает человек, тем чаще он начинает шутить. Это помогает не только адаптироваться в ситуации, но и защищает всех вокруг. Если ты не способен сейчас шутить, то по крайней мере ты можешь услышать историю товарища, и это спасет тебя от нервного срыва. Михаил научился гениально переворачивать любую фразу так, чтобы она звучала как шутка. Он мог самую ужасную новость рассказать так, что все вокруг начинали хохотать. Учитывая спокойную, размеренную и ироничную манеру говорить, Михаил был просто незаменим сначала в партизанском отряде, а затем и в прокуратуре, куда его взяли благодаря медали за партизанскую деятельность. Эта бумага служила ему охранной грамотой еще долгие годы, но о военном времени он предпочитал не вспоминать. Большинство людей относились к этому с пониманием. Зачем ворошить воспоминания, которым нет места в мирной жизни? Никто не хотел помнить. Причем если в первые месяцы после освобождения БССР все ликовали в преддверии светлого будущего, которое вот-вот наступит, то потом этот восторг уступил место осознанию того, что теперь нужно заново учиться жить, причем жить по-другому, по законам мирного времени. К этому многие были не готовы.

Нужно было срочно закручивать гайки, разгонять сложившиеся за годы войны банды прятавшихся в лесах преступников, городских беспризорников и мелких воришек, требовалось как-то напугать людей, призвать их к порядку, но в органах внутренних дел по понятным причинам остро не хватало людей. Война забрала огромный процент мужчин, но даже из тех, кто вернулся с фронта, было очень мало людей, способных продолжить оперативно-следственную работу. В прокуратуру и милицию стали брать вчерашних детей семнадцати-восемнадцати лет, без юридического образования и с весьма смутными представлениями о том, как расследовать преступления. Михаил Жавнерович на этом фоне выгодно выделялся. Он еще способен был чему-то научиться, но уже успел утратить острое желание изменить мир, которое присуще людям, еще не успевшим справить свое двадцатилетие. Молодой, но уже имеющий свои представления о жизни, с цепким взглядом, но умеющий быть обаятельным, он моментально пришелся по душе в Прокуратуре БССР в Минске.

Придя на должность помощника прокурора в 1944 году, Михаил Жавнерович быстро стал делать карьеру. Благодаря своей уникальной способности со всеми находить общий язык он стал очень быстро расследовать дела, связанные с преступлениями беспризорников. Подроски не видели опасности в постоянно над чем-то подшучивающем человеке, который не так уж сильно отличался от них по возрасту. При этом с молодыми сотрудниками прокуратуры Жавнерович умел себя поставить так, что те начинали смотреть на него как на полубога.

Жизнь постепенно налаживалась. По вечерам сначала не так уж громко, а затем и на полную мощность стали включать музыку на проигрывателе. Кое-где каждый вечер стали устраивать танцы, заработали первые кафе и забегаловки мирного времени. Даже преступность постепенно становилась организованной. Никто из жителей БССР в здравом уме все равно не отпустил бы своих детей гулять в лес, так как все еще была опасность если не встретить какого-то беглого преступника, то как минимум раскопать парочку неразорвавшихся гранат или найти автомат с коробкой патронов. Вместо того чтобы направить все силы на борьбу с голодом, правительство приняло ряд законов, ужесточающих наказания за мелкие правонарушения (по мнению ряда экспертов, эти законы по своей жестокости вполне могли сравниться с «законом о колосках» 1932 года), но все это не могло умалить ту радость от ощущения приближения конца страшной эпохи, которая чувствовалась уже повсеместно.

На танцах Михаил Кузьмич познакомился с приятной и красивой девушкой, которая работала машинисткой в прокуратуре. Она не казалась ему первой красавицей, не восхищала умом, но у нее было совсем другое качество, мимо которого редко может пройти человек. Она умела с искренним восхищением во взгляде слушать. Рядом с ней любой мужчина становился лучше, чем есть на самом деле. Мимо таких девушек не проходят. По крайней мере, Михаил Жавнерович был уже достаточно взрослым человеком, чтобы понимать, насколько редкое это качество. Спустя пару месяцев они поженились, а вскоре им выделили крохотную квартиру от государства, в которой они и начали свою совместную жизнь.

Жавнерович проводил на работе не только дни, но и ночи. Он как будто задался целью стать именно таким хорошим следователем, каким считала его жена. Даже лучше. Спустя год службы ему дали направление на юридический факультет, которое вполне можно было счесть обещанием звездной карьеры. И на то были веские основания. Судьба Михаила Жавнеровича за исключением мелких деталей походила на типичные истории об образцовых сотрудниках из журналов тех лет: мальчик из села, из бедной семьи, служил в армии, участвовал в боевых действиях, после войны сумел адаптироваться к мирной жизни, завел семью и стал строить карьеру. Абсолютно идеальная биография для успешного будущего. Впрочем, Михаил Кузьмич не очень-то задумывался на этот счет. Он искренне хотел хорошо делать свою работу, и у него это получалось. Следователь внимательно относился к деталям, с интересом изучал новые методы сбора улик, ему доставляло удовольствие вести перекрестные допросы и устраивать очные ставки, на которых всегда выяснялось что-то новое. В этом было что-то театральное. В такие моменты он начинал чувствовать себя режиссером, который точно знает, что нужно сделать, чтобы спровоцировать актера на нужную эмоцию.

Еще на первом году службы в прокуратуре к нему на допрос привели пару насмерть перепуганных подростков. По их виду было понятно, что они только недавно сбежали из детского дома, и в том их было сложно винить. Во всей стране все еще чувствовалась острая нехватка еды и элементарных, необходимых для жизни вещей, а уж детские дома, которые были переполнены перепуганными домашними детьми, представляли собой очень страшное зрелище. Подростки, которые с рождения воспитывались в государственных учреждениях, сбивались в банды и травили домашних детей, а потом попросту сбежали и начинали «карьеру» карманников или попрошаек, у кого что лучше получалось. Дети в комнате для допросов были как раз такими «начинающими преступниками». Их традиционный «ежик» на голове уже успел чуть отрасти, но на них даже брюки были все еще с бирками детского дома. Подростков обвиняли в том, что они украли несколько мешков из товарного поезда с продовольствием, но они в унисон утверждали, что ничего не видели и не брали. Михаил Жавнерович привык скептически относиться к таким показаниям, но сейчас ему хотелось им поверить. Возможно, причиной тому была жалость к ребятам, которые точно не заслуживали того наказания, которое им могло светить, если бы все это действительно оказалось правдой.

Когда подростков развели по камерам, к Жавнеровичу подошел прокурор района и поинтересовался о том, как идут дела с допросом.

– Похоже, и правда, ничего не воровали, – пожал плечами Жавнерович, которому совсем не хотелось становиться человеком, благодаря которому этим детям могли впаять лет десять, а при плохом раскладе и вовсе расстрелять. Сам Жавнерович умер бы с голода, если бы в годы войны не своровал пару раз мешки с продовольствием. Начальник помощника прокурора недовольно поджал губы, услышав плохой, по его мнению, ответ, и велел конвою привести в комнату для допросов одного из подростков.

– Так нельзя вести допрос. Если ты не уверен, лучше не заходи к подозреваемому. Они ж как загнанные звери, чувствуют это и уходят в отказ, – с интонацией школьного учителя начальных классов сказал следователь. – Сиди в соседней комнате и учись, – бросил он перед тем как пойти к подростку, который во второй раз за день оказался в комнате для допросов.

Михаил Жавнерович ожидал, что сейчас начальник продемонстрирует чудеса проницательности или же начнет запугивать подростка, но вместо этого он поступил точно так, как делали когда-то в деревне сотрудники ОГПУ⁴.

– ...Ты, конечно, считаешь неправильным сдавать приятеля, но я решил, нужно все-таки сказать, что твой товарищ уже во всем признался...

Через несколько минут наряд милиции уже выехал на место, где были спрятаны украденные мешки с продовольствием, а еще через час начальника Жавнеровича вызвали к телефону. Звонили из отделения. В процессе разговора лицо прокурора сначала стало брезгливым, а потом удрученным. Повесив трубку, он с некоторым превосходством посмотрел на Жавнеровича.

– Вместе с мешками нашли труп паренька лет двенадцати. Они, видимо, барыш не поделили и разбили ему голову. На нем такие же штаны с биркой были, – зачем-то уточнил он. – Все они преступники. Если бы люди не боялись наказания, все были бы преступниками, Жавнерович, – назидательно закончил он.

С того случая помощник прокурора Михаил Жавнерович старался больше не позволять себе жалости к допрашиваемым. Этот простой как мир трюк с блефом работал на допросе почти всегда. Услышав, что подельник «уже во всем признался», человек начинал топить своего приятеля так, что дальше оставалось только успевать записывать. Иногда попадались сложные случаи. Бывалые воры и рецидивисты не спешили признаваться в преступлениях, но тогда в ход шел карцер или то, что принято было называть «допросом с пристрастием», который обычно проводили молодые сотрудники на заднем дворе. Конечно, Жавнеровичу было неприятно осознавать, что он причастен как раз к тому, что категорически запрещено в следствии (он недавно сдавал экзамен на эту тему), но сложные времена требовали сложных решений.

Жена несколько часов подряд плакала, рассказывая о том, как пропал ее лучший в мире муж, а через несколько часов оказывалось, что она этого мужа ударила чем-то по голове, а потом закопала труп неподалеку в лесу. Кто-то из соседей видел. Сорокалетний мужчина убивался о том, как убили его мать в подворотне, а потом выяснялось, что женщину зарезали зазубренным ножом, который нашли на кухне «потерпевшего», а после убийства тело женщины протащили несколько сотен метров до ближайшей подворотни.

– Преступник всегда среди самых близких, – любил повторять начальник Жавнеровича, и с каждым годом службы следователь все сильнее убеждался в правоте его слов. Он считал, что первые люди, которых ты должен допросить в ходе следствия, и совершили преступление. Всегда. Без исключений. Поначалу Жавнерович сочувствовал потерпевшим, приходившим к нему с очередной бедой, но день за днем прокурор все сильнее убеждался в том, что тот, кто сильнее всего плачет, обычно больше всех виноват. Спустя несколько лет службы он уже не сочувствовал потерпевшим.

Каждый человек – преступник. Неопасный, конечно. Смотришь на иного, ну до чего хороший, положительный, а на деле оказывается, что мать топором зарубил, а труп во дворе спрятал. Любой при наличии мотива и возможности совершит преступление. Наша задача не допустить, чтобы у человека появлялась возможность, и донести до каждого, что за любым преступлением следует соответствующее наказание. Одно нераскрытое дело будет в конечном счете значить десяток новых преступлений.

Человек ведь идет на преступление в надежде на то, что его-то уж не найдут. Даже если 99 процентов преступлений раскрывается, этот шанс остается, но если каждый будет знать, что за преступлением неминуемо

⁴ Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР (ОГПУ при СНК СССР) – специальный орган государственной безопасности СССР. – Прим. авт.

последует наказание, мало кто согласится переступить закон. И человек будет на свободе, и безопасно будет на улице.

М. Жавнерович

– Будешь каждому помогать, скоро свихнешься, – уже как-то по-отечески похлопал по плечу Жавнеровича начальник, когда Михаил Кузьмич пришел к нему просить за какого-то очередного беспризорника, укравшего что-то не в то время и не в том месте. Жавнерович постепенно учился. Поразительно, но чем меньше он сопереживал людям, чем меньше проникался их историей, тем быстрее удавалось добиться от них чистосердечного признания. Еще через пару лет фотография Михаила Жавнеровича красовалась на Доске почета на первом этаже здания прокуратуры. Он добился уникального результата – стопроцентной раскрываемости всех дел. Ни по одному из дел, которые он вел в течение года, не было вынесено оправдательного приговора. Ни одно дело не вернули на доследование, ни одну улику не выкинули из дела. С тех пор как его портрет повесили на первом этаже здания прокуратуры, Михаил Жавнерович старался держать марку.

– Один раз промахнешься – и все, судья начнет сомневаться в каждом твоём деле, учти, – назидательно говорил Михаил Кузьмич молодому студенту Николаю Игнатовичу, который пришел сюда проходить практику. Студент знал, что наставник здесь прав. Один промах, одно дело на доследовании – и карьеру прокурора можно похоронить. Ты просто будешь не успевать вытаскивать все палки, которые тебе начнут ставить в колеса. Жавнерович такого позволить себе не мог. Он считался лучшим специалистом в БССР и очень дорожил этим статусом. У него еще двое сыновей, в конце концов, хотя бы ради них нужно постараться сохранить себе доброе имя. Еще через несколько лет он разучился видеть в потерпевших, свидетелях и подозреваемых людей. В конце концов, они все преступники, просто не на всех удалось собрать достаточно доказательств для выхода в суд. Приучившись в каждом в первую очередь видеть преступника, которого надо заставить признаться, он разучился видеть в людях людей.

4

Призраки одиночества

1967–1968 гг. Деревня Ист. Витебская область

В тот год изменили срок службы в армии с трех обязательных лет до двух, но Михасевич неожиданно попросился на флот, где всегда был увеличенный срок службы, но была возможность попутешествовать или, по крайней мере, отслужить в каком-нибудь приморском городе. Михасевич должен был отправиться в Одессу, но до этого момента нужно было провести полгода в учебке. Впервые за всю жизнь Михасевич оказался за пределами родной Витебской области в обществе абсолютно незнакомых людей. Эти первые полгода в учебной части даются сложно всем без исключения призывникам, а для Михасевича это оказалось непосильным испытанием. Поначалу он подумал, что теперь за ним больше нет славы «сына алкаша» и он может выдать себя за кого угодно, заново создать себя и найти себе новых друзей, но армия, как и любой другой закрытый социальный институт, не прощает лжи, а до тех пор, пока ты не выяснил, в чем состояла ошибка, невозможно заново построить отношения. Ты всегда, раз за разом, будешь делать эту ошибку, но всегда будешь надеяться на другой результат. Михасевич не смог сразу показать свой характер, не смог поставить себя, и стал тем же, кем был и в школе. Невидимкой. Он не был главным объектом дедовщины, его никто не избивал сверх меры и не изводил. Ему доставалось не больше, чем всем. Проблема была в том, что другие новобранцы его попросту не замечали, а вот это уже вынести было почти невозможно.

Единственным способом выплеснуть свои эмоции для Михасевича стали письма, которые он строчил с бешеной скоростью. У него было только два постоянных адресата: Лена и отец. Модест отвечал регулярно, но обычно его ответы ограничивались только парой строк, в которых он дежурно интересовался тем, как идут дела в армии, и давал пару ценных советов о том, как не выглядеть слабаком. Советы обычно не работали. Неудивительно, сам Модест никогда не служил в армии. Ответы от Лены всегда выглядели весьма внушительно. В аккуратно запечатанных конвертах обычно находилось несколько сдвоенных тетрадных листов, плотно исписанных убористым женским почерком. Для девушки тот роман по переписке был приятной, интересной и безопасной игрой. Независимо от того, был у нее сейчас какой-то кандидат в женихи или нет, у нее всегда была возможность представить себя в образе девушки, ждущей с фронта жениха. Пару раз в неделю она садилась за свой школьный письменный стол и начинала строчить ободряющие и вдохновляющие письма, представляя себя персонажем фронтовых стихов и песен. Она не любила Михасевича, но очень любила эти пару часов, во время которых она как будто путешествовала во времени и пространстве.

Для Михасевича письма от Лены значили очень много. В них он тоже мог представить себя в гораздо более выгодном свете, но гораздо важнее было другое, он мог быть искренним, открыться кому-то, кто его слушал и понимал. Лена была первым таким человеком в его жизни. Во все остальное время он проходил все испытания учебки в одиночку. Помимо него в казарме жило тридцать точно таких же, как и он, 18–20-летних молодых мужчин, которые готовы были в лепешку разбиться за две вещи: чтобы доказать свое лидерство и чтобы доказать свою мужскую состоятельность. Михасевич проигрывал в этих двух состязаниях почти всем. Он не был лидером, но, что еще большее, он не имел практически никакого опыта с женщинами. Впрочем, как и почти все, вот только он имел глупость в этом признаться. Это произошло уже после учебки, когда в очередную увольнительную его взяли с собой в один из борделей города. Жрицы любви жили и работали в крохотной трехкомнатной квартире с картонными стенами. В основном сюда приезжали компании молодых людей, которые обычно ютились в коридоре

и на кухне, ожидая своей очереди. Когда Михасевич оказался наедине с девушкой, он честно признался в том, что у него нет опыта в любовных делах. Через пару часов об этом уже знал весь взвод. Естественно, Михасевич с этого дня стал всеобщим объектом насмешек. Ни у кого не было такого сексуального опыта, о каком он рассказывал, а следовательно, каждый мог оказаться на месте Михасевича. Это значило только одно: нужно было как можно громче смеяться над ним, чтобы не допустить таких насмешек в свой адрес.

Спустя несколько месяцев службы письма от Лены стали заметно короче, а главное, они стали приходить реже. Геннадий несколько раз спрашивал, в чем дело, но никакого ответа так и не получил. Единственное, что ему оставалось, это написать отцу, чтобы тот поинтересовался, как дела у его невесты. Вместо ответа отца ему пришло письмо от Лены, в котором она трогательно и подробно рассказывала о том, как влюбилась «в первый раз в своей жизни». Объектом любви девушки стал ветеринар из соседней деревни, работавший в колхозе, в котором работал и его отец.

Невозможно было злиться на Лену за ее влюбленность, так как никаких отношений, кроме дружбы, у них с Михасевичем просто не было. Девушка не врала ему и не изменяла, напротив, она сначала хотела пощадить его чувства, а потом решила, что будет лучше обо всем рассказать самостоятельно. Письмо ее заканчивалось пожеланием хорошей службы и оптимистичным обещанием устроить ему торжественную встречу из армии. На тот момент Михасевич отслужил только девять месяцев из трех лет, так что окончание службы казалось чем-то нереальным и невозможным. Лена стала писать совсем редко, зато злорадные письма от Модеста посыпались на него как из рога изобилия. Каждая записка содержала разного рода рассуждения о врожденной подлости и беспринципности женщин. В какой-то момент Лена вдруг стала писать чаще, а ее письма приобрели все тот же меланхолически-романтический характер. В конце концов она призналась, что ветеринар ее бросил и теперь она вновь свободная девушка. Михасевич не знал, как должен реагировать. Он испытал радость оттого, что у него снова появился шанс, теперь снова можно верить в то, что его кто-то ждет из армии. Он ничего не писал о случившемся отцу, но Модест вдруг сам заговорил об этом в письме:

...Даже не смей прощать. Один раз изменила, потом постоянно за ней бегать, труссы охранять будешь. Они все такие...

Модест требовал, чтобы сын дал Лене понять, что больше не желает ее видеть и не считает более за человека. Раз она не дождалась, он найдет себе лучше. Главное, чтобы та больше не смела писать ему. Михасевич написал девушке что-то наподобие отповеди, но ответа на письмо не получил. Лена увидела в этих холодных строчках не того романтического героя, которого она себе придумала, а злорадного и жестокого «сына алкаша», отвечать которому значило бы опуститься до его уровня. К тому же все эти обвинения в ветрености не имели к ней никакого отношения, так как их с Геннадием ничего, кроме дружбы, никогда не связывало. Девушка так разозлилась на друга, что, как будто из мести, нашла себе нового жениха и буквально через месяц выскочила за него замуж. Модест не преминул сообщить сыну об этом.

Сослуживцы продолжали издеваться над Геннадием, а Михасевич при любой возможности теперь старался найти женщину, продававшую свое тело за деньги, желая тем самым восполнить пробел в своем сексуальном воспитании.

Уже во время службы на судне Геннадий в один из дней драил нижнюю палубу. Это был обычный тихий день на судне, в который начальство нарушило главный закон службы на флоте: срочник всегда должен быть чем-то занят. Об этом правиле выживания на флоте писали еще моряки эпохи Великих географических открытий. Оно осталось неизменным по сию пору. Служба на флоте предполагает, что большое количество людей одного пола должно выживать на очень маленькой и неудобной территории. К этому нужно добавить, что все эти люди молоды, готовы отчаянно сражаться за то, чтобы доказать свое лидерство, а условия, в кото-

рых они существуют, полны лишений. Все это рождает раздражение друг к другу. Если прибавить к этому хотя бы минуту свободного времени, то неминуемо случится трагедия. Либо случится суицид, либо драка, либо бунт. Единственный способ пережить все эти лишения: каждую минуту своего дня быть чем-то занятым. Вполне вероятно, что это будет глупая, бессмысленная и бесполезная работа, но она будет отнимать силы и занимать мысли. В тот день кто-то из руководства попросту упустил из виду солдат, которые оказались на несколько часов предоставлены сами себе. Михасевича окликнул кто-то с верхней палубы. В этот момент сверху на пол полетел плевков и одновременно раздались тихие, но довольные смешки.

– Эй, смотри, там еще не домыл, – прокричал Михасевичу сослуживец.

– И здесь тоже, – слышалось с другой стороны. На сей раз смех уже звучал намного громче.

– И здесь...

Так, наверное, продолжалось около часа. Это занятие ужасно веселило всех, кроме Михасевича, который просто не понимал, как нужно сейчас реагировать. Он знал, что должен еще час драить палубу, поэтому просто продолжал ее мыть, автоматически поднимая голову всякий раз, когда кто-то наверху кричал его фамилию. Плевать на палубу вскоре наскучило, поэтому на нижнюю палубу посыпались какие-то картофельные очистки, коробки и весь оказавшийся в зоне доступа мусор.

– Михасевич!..

Он в очередной раз автоматически поднял голову наверх и увидел, как на него летит что-то тяжелое и железное. Как впоследствии выяснилось, это была небольшая консервная банка. Падая с такой высоты, она вполне могла размозжить ему голову.

5

Возвращение

1968–1971 гг. Деревня Ист. Витебская область

– Повезло, Михасевич, – сказал ему армейский доктор, когда тот пришел в себя. – Будь банка потяжелее, ты бы сильно подпортил всем статистику, – чересчур оптимистично заявил эскулап.

На следующий день ему объявили о том, что он будет комиссован в течение недели. Болезнь Боткина – достаточное на то основание. В то время это была самая частая причина, по которой комиссовали со срочной службы. За этот диагноз некого было винить, начальство никому не могло вменить в вину то, что солдат где-то подцепил гепатит. Возможно, конечно, через шприц армейского врача, но это ведь далеко не самый массовый путь распространения. Так или иначе Михасевича нужно было комиссовать. Допускать открытую травлю на флоте было категорически нельзя, это бы испортило всю дисциплину и чревато было бы бунтами, конфликтами и... окончательно испорченной статистикой. Флот всегда требовал значительно более жесткой дисциплины, чем обычная армия, но оттуда и комиссовали чаще всего.

– Хотел остаться? – сочувственно поинтересовался врач, когда понял, что Михасевич не рад новостям. – Флот не для тебя. Вернешься, отучишься, женишься, карьеру сделаешь. Флот не для всех, – попытался успокоить его мужчина.

Михасевич поблагодарил врача, но все описанные перспективы казались сейчас чем-то совершенно неосуществимым. На ком жениться? На кого учиться? Куда возвращаться? Всю свою жизнь он прожил в деревенском доме вместе с отцом, но за время службы родной дом постепенно стал казаться чем-то невыносимо грязным и зловонным, каким и был в последнее время его отец.

Через неделю ему пришлось получить все необходимые бумаги, позвонить домой и сообщить о том, что его комиссовали по болезни. Он вернулся домой, но в отличие от всех его демобилизовавшихся друзей не стал месяц пить, отмечая возвращение из армии. Михасевич тут же устроился в совхоз и начал работать вместе с отцом. Впрочем, это было совсем не так страшно, как то, что ему приходилось каждый день видеть Лену вместе с ее новым мужем. Модест видел, как реагирует сын на эту пару, и всякий раз начинал рассказывать о подлости женской натуры.

Так продолжалось два года, пока Геннадий не требовал с начальства направление в техникум от совхоза и не отправился в общежитие сельскохозяйственного техникума в часе езды от Витебска. Небольшой двухэтажный барак вечно гудел от пьянок, которые устраивали учащиеся техникума. Обычно в мужской корпус всеми мыслимыми и немыслимыми путями проникали девицы из того же техникума. У Михасевича они ничего, кроме отвращения, не вызывали. Глаза, подкрашенные чем-то ядовито-голубым, малиновые губы, вечное хихиканье – все это стойко ассоциировалось у него со студентками техникума. Однокурсники недолюбливали и иногда подсмеивались над нелюдимым товарищем, но здесь уже никто ни над кем не издевался. В техникум в основном поступали люди с направлением от совхоза, уже взрослые, проработавшие пару лет, отслужившие в армии люди, которым было неинтересно кого-то травить. Сосед тихий, приходит вовремя, на занятия ходит, если нужен конспект лекции, никогда не отказывает. Чего еще желать от соседа по комнате?

Он вновь превратился в никому не нужного, незаметного человека с обычной внешностью. Частенько он замечал насмешливые взгляды сверху вниз, которым окидывали его однокурсники. В ответ на это Геннадий обычно опускал голову или непонимающе улыбался, но

никогда не начинал разговора. Все это создало вокруг него вакуум, который, казалось, ничто не сможет пробить. Однокурсники и преподаватели могли сказать о нем лишь то, что это в целом нормальный парень, который вроде бы серьезно подходит к учебе, кажется, не пьет и девушек в общежитие не водит. Чем он интересуется? Увлекается? Ходит ли в кино или читает книги? Обо всем этом никто из его окружения не смог бы ничего сказать. Да и сам Михасевич не смог бы ответить на эти вопросы, потому что ему никто и никогда их не задавал. Единственное, что знали его соседи по общежитию, что раз в неделю он ездит к себе домой, а добираться туда не очень-то удобно. Нужно было доехать до одной деревни, а потом дожидаться рейсового автобуса, который ходил три раза в день, и двигаться уже до деревни Ист. Поскольку Михасевич частенько опаздывал на автобус или тот попросту не приезжал, ему приходилось идти к себе домой через лес несколько километров.

Дома он всегда видел одну и ту же картину: Модест, сидящий или на крыльце, или на лавке возле дома, всегда в изрядном подпитии и в плохом настроении, и постепенно разрушающийся дом. В деревне его постоянно кто-то окликал и спрашивал, как ему живется на новом месте, какие успехи в учебе. Эти моменты он любил, но эти разговоры занимали несколько минут, все остальное время приходилось в срочном порядке убирать дом, что-то чинить и переругиваться с отцом. Впрочем, самыми болезненными были встречи с Леной и ее мужем, которые всегда, завидев его, обязательно начинали приветственно махать ему, подходить и заваливать вопросами об учебе и новой жизни. Этой новой жизни у него не было, но как об этом сказать, если они все равно не поймут? Самым паршивым было то, что Лена выглядела по-настоящему счастливой. Она никогда так не светила, когда ее провожал до дома Михасевич. Девушка поделилась однажды с ним, что им с мужем выделили дом в соседней деревне. От этого известия глаза девушки загорелись предвкушением новой жизни. На прощание она пригласила его заходить в гости.

Всякий раз, когда ему приходилось идти к себе в деревню через лес или, наоборот, тащиться на остановку автобуса, который шел в Витебск, ему вспоминались те дни, когда он ходил по этой дороге с девушкой. От этого у него становилось тошно на душе. Казалось, что в его жизни больше никогда ничего подобного не будет.

Однажды он увидел, как ему навстречу через ту же лесную чащу идет девушка. На улице уже начинало темнеть, и было заметно, что ей не по себе от необходимости идти ночью через лес.

– Эй, девушка, проводить? – окликнул ее Михасевич. Та вскрикнула от неожиданности и тут же свернула с тропинки. Геннадий знал, что тропинка, по которой побежала девушка, ведет в другую деревню, которая километрах в пяти отсюда. Туда автобус приезжал еще реже, чем в Ист, так что, скорее всего, она застрянет здесь еще на пару дней, а ведь наверняка спешила куда-то, не зря же так шустро бежала через лес. Михасевич испытал острое желание догнать девушку, но вовремя остановил себя. Эта встреча развеселила его. Так повторялось еще несколько раз. Михасевич все прочнее увязал в своей черной и беспросветной депрессии. Постепенно ему перестала быть интересной учеба, стали неприятны вечные попойки соседей по общежитию, стало невыносимо оставаться один на один с отцом, который обязательно в разговоре упоминал Лену. Причем чем сильнее это задевало Геннадия, тем чаще о ней упоминал отец. В деревне, в которой вырос Михасевич, было два способа справиться с депрессией: водка и веревка. Как истинный «сын алкаша», Геннадий не переносил запах спиртного, поэтому у него не осталось выбора. Когда он только уезжал на учебу, ему казалось, что это какое-то обещание новой жизни. Сейчас, спустя полгода, стало понятно, что окончание техникума ему не даст ничего, кроме новой должности в совхозе. Вполне веский повод для того, чтобы пойти за веревкой.

Он приехал из Витебска в Полоцк на последнем рейсовом автобусе. Чтобы добраться до деревни Ист, нужно было сесть на другой автобус, но он ходил всего несколько раз в день, так

что часто приходилось ходить в деревню пешком. Геннадий пошел в сторону леса. По дороге ему на глаза попала натянута между деревьями бельевая веревка, на которой сейчас не было никаких вещей. Он воровато оглянулся на близлежащий двухэтажный дом, достал из кармана перочинный нож, срезал и быстро смотал ее.

– Привет, я и не знала, что ты приехал, – окликнула его знакомая, когда он уже шел по дороге к лесу. – А зачем тебе веревка?

– Да взял в общагу, нужно будет там кое-что починить, – стушевался Михасевич.

– Вербкой? – оторопела девушка.

Молодому человеку пришлось что-то придумывать, как-то выкручиваться и врать. Он говорил своим тихим, невнятным голосом до тех пор, пока не заметил, что девушка не слушает. Тогда он резко оборвал разговор и попрощался с ней. Девушка рассеянно кивнула, а Геннадий направился в сторону леса, сжимая в руках веревку. Он собирался сходить напоследок к Лене. Идти предстояло несколько километров.

* * *

14 мая 1971 г. Деревня Экимань. Витебская область

А вам никогда не хотелось перестать чувствовать? Что, если навсегда избавиться от ярости, гнева и печали? Больше никогда не плакать, не чувствовать ком в горле, когда сходишь с ума от волнения, никогда ни к кому не привязываться и не испытывать чувств к другим людям? Полагаю, что в тот или иной момент жизни каждый человек отдал бы все за этот набор суперспособностей. Наверное, поэтому так распространился миф о том, что психопаты – это люди без страха, боли и совести. Было бы неплохо, но в этом бы случае психопатия считалась бы талантом, а не расстройством личности. Неспособность принять и понять свои чувства и, как следствие, неспособность понять других людей отдаляет такого человека от других. От этого он не перестает меньше нуждаться в людях, не перестает быть человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.